

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

В А Л Е Р И Й
К О В А Л Ё В

СОЛДАТ
УДАЧИ

Валерий Николаевич Ковалев

Солдат удачи

Серия «Русский детектив»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69436693

Солдат удачи: Центрполиграф; Москва; 2023

ISBN 978-5-227-10082-5

Аннотация

Круглый сирота и воспитанник детского дома Максим Найденов с раннего детства мечтает стать военным моряком, образ флота овеян для него романтикой приключений и странствий. Преодолевая испытания сиротской жизни, Макс упорно движется навстречу мечте. Ему приходится узнать, что такое несправедливость и подлость, но он не становится циником и не впадает в отчаяние. На службе во Вьетнаме, на войне в Донбассе, в военных операциях в Сирии и Африке он узнает, что такое настоящее боевое братство, и убеждается в правильности своего жизненного пути. А где-то есть родная душа – женщина, которая не обманет и не предаст...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Валерий Ковалёв

Солдат удачи

© В.Н. Ковалёв, 2023

© Художественное оформление серии «Центрполиграф»,
2023

© «Центрполиграф», 2023

* * *

Группа крови – на рукаве,
Мой порядковый номер – на рукаве,
Пожелай мне удачи в бою, пожелай мне:
Не остаться в этой траве,
Не остаться в этой траве.
Пожелай мне удачи, пожелай мне удачи!

Виктор Цой

Глава 1

Детдом

– Н-на! – выбросил вперед кулак Браток.

Максим отлетел в угол умывальника. Кошкой вскочил и молча бросился на противника. Сцепившись, оба покатились по полу.

– Бей найденыша, – прошипел Косой и вместе с Дылдой стал жестоко пинать мальчишку ногами. Тот отбивался, пытаясь встать, но силы были неравные.

– Прекратить! – широко распахнулась дверь, на пороге стоял дежурный воспитатель. – В чем дело? – шагнув вперед, обвел всех сонными глазами.

– Да это мы так, немного поиграли, – гадливо улыбаясь, сказал Браток и вместе с друзьями покинул умывальник.

– За что они тебя? – уставился на мальчишку воспитатель.

– Немного поиграли, – открыв кран, сунул тот под холодную струю разбитый нос.

– Ладно, умойся и иди спать. Утром будем разбираться.

Максим обождал, пока остановилась кровь, пощупал переносицу – цела. Ополоснул лицо и, завернув кран, пошаркал тапками через коридор в спальню. Там под потолком горел ночной свет, на узких койках, укрывшись одеялами, сопели носами воспитанники.

– Мы еще с тобой посчитаемся, гад, – пробубнили с крайней у окна.

– Да пошел ты, – взглянул туда Максим и принялся разбирать постель.

Он улегся, немного повертелся на жестком матрасе, устраиваясь поудобнее, укрылся до подбородка одеялом. Он глядел в подсвеченный синим светом потолок и размышлял о своей жизни. Она, как говорится, не задалась.

Двухмесячным младенцем его оставили на крыльце одного из подмосковных роддомов, завернутым в старую тельняшку. После осмотра и установления пола медперсонал, составив акт, дал подкидышу имя Максим, отчество Николаевич и фамилию Найденов. А еще в роддоме сделали запись о рождении: 2 мая 1995 года – утро, когда нашли. Потом нового гражданина отправили в дом ребенка, а по исполнении трех лет поместили в Балашихинский детский дом.

Кроме него, там воспитывались еще шестьдесят мальчишек и девчонок, лишившихся родителей, в том числе семнадцать сирот. Жизнь у всех была несладкой. Россия лежала в разрухе, на Кавказе шла война, в стране правили бал олигархи и криминал.

Мелюзга всего этого не понимала, а вот старшие ребята вполне. Глядя вечерами телевизионные программы в красном уголке, где постоянно транслировали сытую жизнь на Западе да еще бандитские сериалы, мальчишки мечтали стать рэкетирами, а девочки – валютными проститутками.

Отсюда черпался первый житейский опыт и нехитрая жизненная философия: сила с деньгами решают все.

Найденнов становиться рэкетиром не желал. Его влекло море, почему – он не знал. Возможно, неизвестный папашка был флотским или что другое. Мелким пацаном любил пускать кораблики в лужах, повзрослев, запоем читал книжки о морях, имевшиеся в библиотеке. А еще любил мечтать о дальних странах, путешествиях и чудесах. По натуре был романтиком.

В детдоме имелись свои лидеры из старших: пятнадцатилетние Браток с Дылдой и Косой, стоявшие на учете в детской комнате милиции, окружившие себя холуями и третиравшие других.

Они отбирали еду у младших, получали дань от тех, кого навещали родные, заставляли себе прислуживать и всячески издевались. Максим был единственным, кто не подчинялся, и его «ломали». В этот раз били за то, что дал на ужине Косому в глаз, когда тот плюнул в тарелку Витьке Бугрову. Витька был тихим безответным пацаном двумя годами моложе Максима и постоять за себя не мог.

«Так больше нельзя. Нужно что-то решать», – решил Макс, натянул на голову одеяло и погрузился в сон. Прерывистый и тревожный. Снилось ему серое пространство, по которому он брел, уходя все дальше и дальше. Где-то там, впереди, – он знал точно, – встает солнце. И совсем другая жизнь, не та, которую знал. Светлая и безоблачная. Но конца

тому пути не было, силы таяли.

Утром после завтрака, состоявшего из каши-размазни, черняшки с кусочком масла и пахнущего рыбьим жиром чая, все участники драки, понурившись, стояли в кабинете директрисы. Это была средних лет фигуристая дама в зарубежных шмотках, с перстнями на пальцах и золотыми серьгами в ушах. Звали директрису Татьяна Александровна.

– Опять ты, Фокин, – уставилась на Братка накрашенными глазами начальница. – Что в этот раз не поделили?

– Найденыш на ужине ни за что ударил Косого, – кивнул тот на приятеля. – Ну, мы его того, немного поучили.

– Чтоб я больше не слышала этих блатных кличек! – Лицо директрисы пошло красными пятнами. – Здесь тебе не улица. Понятно?!

– Ага, – сделал Браток рожу ящиком, а его приятели захмылялись.

– Ну а ты что скажешь, Найденов? – перевела она на мальчика жесткий взгляд. – Государство заботится о вас, кормит, поит, одевает. А вы ведете себя, как бандиты.

«Государство кормит, а ты, сука, все разговарываешь», – подумал Макс, но промолчал. Себе дороже.

– Значит так... – Успокаиваясь, Татьяна Александровна полюбовалась ярким маникюром на ногтях. – Еще одна такая драка – и отправлю в колонию для малолеток. Вы меня знаете. А теперь пошли вон.

Все уныло вышли из кабинета и разошлись по сторонам.

Чуть позже Максим, в сером кургузом пиджачке и с обтрепанным портфелем в руке, топал по Балашихе на занятия. Младших в детдоме обучали приходящие педагоги, а старшие посещали одну из городских школ. Учился он неплохо. Особенно уважал литературу с историей, географию и физику. По всем этим дисциплинам имел пятерки.

Местные ребята относились к детдомовцам свысока, обзывая между собой «рванью», но связываться с ними опасались. Те держались вместе и всегда давали сдачи. Причем никогда не жаловались учителям, как остальные.

На занятиях, которые шли до часу дня, Максима мучила ночная мысль, и он принял решение. Каждое утро по дороге в школу проходил мимо панельной девятиэтажки, в подвальном помещении которой располагалась юношеская школа бокса. Об этом гласила вывеска на двери с часами работы.

Подойдя к дому, затененному тополями, под которыми два бомжа на лавке распивали одеколон, он решительно направился к обитой железом двери. Остановился, в очередной раз читая вывеску, а затем потянул на себя ручку. «Бах!» — хлопнула позади створка. Очутился в длинном, похожем на кишку, ярко освещенном коридоре. Из его конца доносились глухие удары, пошел на них. Коридор заканчивался обширным помещением с невысоким потолком. В центре на бетонном полу высились два деревянных помоста с канатами.

На одном пара ребят в трусах и майках молотила друг друга боксерскими перчатками, на соседнем вторая пара, по-

старше, делала то же самое. Слышалось тяжелое сопение, хлесткие удары. Пахло опилками и потом.

– Тебе чего, пацан? – нарисовался сбоку лет сорока, худощавый, с коротким ежиком мужик. В тренировочном костюме «Адидас», кроссовках и с секундомером на шее.

– Здравствуйте, дядя, – шмыгнул распухшим носом Макс. – Можно записаться в секцию? – Он нерешительно поднял на мужика глаза.

– Отлупили? – кивнул на нос мужик.

– Ага.

– Бывает. Только обучение у меня платное, пацан. Тридцать баксов в месяц.

– Платное? – удивился мальчишка.

– Ну да. Что, родители не потянут?

– У меня нет родителей, я детдомовский. – Макс потупил голову.

– Вон оно что, – оглядел его дешевую курточку и штаны тренер. – Незадача.

Макс развернулся, собираясь уходить, но тот остановил:

– погоди, не торопись.

– Чего? – угрюмо зыркнул глазами Максим.

– Так и быть. Возьму тебя бесплатно, раз такие дела.

– Seriously?

– Вполне. Но принесешь из детдома справку, что здоров.

– Спасибо, дядя, – сглотнул Макс.

– Только я тебе не дядя, а хозяин клуба и тренер, – чуть

улыбнулся тот. – Зовут Александр Иванович Рыбаков. Так что давай топай за справкой, – и обернулся к помостам, хлопав в ладоши: – Перерыв десять минут! Приготовиться новым парам.

Звуки ударов тут же стихли, бойцы спустились с помостов, начав снимать перчатки.

Назад мальчишка летел словно на крыльях. Вот и опостылевший сиротский дом. Высокая металлическая ограда по периметру участка, обшарпанные приземистые хозяйственные постройки и запущенный старый парк. На деревьях каркали вороны, по пустым аллеям ветер гонял листья.

Быстро вошел во двор, где играло в классики несколько малявок, оттуда в гулкий подъезд, взбежал по истертым ступеням на второй этаж.

Прошагав коридором с несколькими выходящими туда дверьми, остановился у нужной. Постучав костяшками пальцев, вошел.

– Тебе чего, Найденов? – оторвалась директриса от разговора с толстым завхозом, сидевшим за приставным столом. – Опять что-то натворил?

– Нет, Татьяна Александровна, – сделав два шага вперед, повертел воспитанник головой.

– Тогда что? – Начальница колыхнула пышным бюстом.

– Мне нужна справка о здоровье.

– Это еще зачем? – Не скрывая своего удивления, женщина высоко подняла брови.

– Хочу записаться в секцию бокса. Сказали принести.

– А больше ты ничего не хочешь?

– Нет, ничего. Только справку.

– Если не дам?

– Тогда зарежу Фокина и сбегу, – выпалил и решительно сжал губы Макс. – Оно вам надо?

Директриса выпучила глаза, завхоз испуганно оглянулся.

Подобное было нежелательно. Тем более месяц назад из дома уже сбежал воспитанник. За это в городском отделе народного образования Татьяне Александровне вlepили строгача, пообещав в случае повторения подобного снять с должности. Оставлять же столь теплое место на ниве народного просвещения она не желала.

В детдом нередко поступала спонсорская помощь, которую они с завхозом умело похищали, а еще имелся доход от усыновления воспитанников. Из столицы порой наезжали не имевшие детей иностранцы, вносили директрисе оговоренные суммы и становились счастливыми родителями.

«Да, этот мальчишка не подарок. Упрямый, задиристый и непокорный. От такого всего можно ждать», – с тревогой подумала она.

– Хорошо, Найденов, – переглянулась с замершим коллегой. – Иди в медпункт. Я позвоню Надежде Осиповне.

– Спасибо, Татьяна Александровна, – поблагодарил Макс и вышел из кабинета.

– Такой точно зарежет, – проводив его взглядом, сказал

завхоз.

– Неблагодарная у нас работа, Платон Ильич. Но что поделаешь? Ведь кому-то надо, – развела руками директриса.

Надежда Осиповна Розенталь была детдомовской медсестрой, работавшей в нем полтора десятка лет. В отличие от остального персонала она участливо относилась к воспитанникам, видя в них не досадную обузу, а жертв социальной несправедливости.

Спустя пять минут Найденков сидел на стуле в ее кабинете этажом выше, с белой кушеткой, медицинскими весами и цветущей геранью на окне.

– А что у тебя с носом, Максим? – поинтересовалась Розенталь, оглядев мальчишку.

– Ерунда, Надежда Осиповна, – махнул рукой, – споткнулся и упал.

– Может, сделаем примочку?

– Не стоит. Заживет как на собаке.

– Хорошо, как знаешь. А для чего тебе справка?

Максим рассказал, медсестра внимательно выслушала.

– Ну что же, спорт хорошее дело, а мальчик ты у нас здоровый. В отличие от многих остальных. – Она печально вздохнула.

Открыв один из ящиков стола, достала оттуда чистый бланк, аккуратно заполнив, расписалась и шлепнула треугольную печать.

– Держи, – протянула бумажку пацану. – Только больше

не падай.

– Спасибо вам, – взял справку Макс. – До свидания! – Обрадованный, он пулей выскочил из кабинета.

Через десять минут он снова был в секции, а там на помостах сражались очередные пары. Обождав, когда тренер освободится и подойдет к нему, протянул заветную справку.

– Тэк-с. – Александр Иванович внимательно прочитал документ. – Здоров, годен. Подпись, печать. – Сложив бумажку, сунул в карман. – На тренировку завтра в шестнадцать. При себе иметь трусы с майкой, спортивные тапки и полотенце. Усек?

– Ага, – радостно кивнул мальчишка.

– С тобой все. – И, отойдя к канатам, закричал: – Осмачко, не сачковать! Работать! И больше двигайся по рингу!

Так Макс стал заниматься боксом.

На первом занятии опростоволосился. Когда тренер представлял другим ребятам, стоял перед строем босой. Тапок у него не было, и те рассмеялись.

– Отставить! – нахмурился Рыбаков. – Пока будешь так, – покосился на новичка. – А там что-нибудь придумаем.

Для начала Александр Иванович дал задания другим, а когда те запрыгали по помостам, нанося и отражая удары, кратко рассказал Максиму о боксе.

– Уразумел? – спросил он, закончив рассказ.

– Ага, – кивнул мальчишка.

– Не «ага», а да.

– Да.

– Теперь переходим к практике. На, надевай, – сняв с вешалки на стене одну пару перчаток, вручил Макс. Он поочередно сунул в них руки, застегнув липучки, оба прошли в дальний угол. Там с потолка свисали две боксерские груши, одну из которых яростно обрабатывал конопатый мальчишка, примерно одних лет с Максимом.

– Резче, резче, Борис! И не опускай руки! – прикрикнул на него тренер. – Видишь, как работает? – обернулся к новичку.

– Вижу.

– Попробуй так на второй.

Максим подошел к соседней груше и несколько раз ткнул перчаткой в тугий бок.

– Бей изо всех сил, пока можешь. – Рыбаков включил секундомер. За стеклом побежала стрелка.

Сжав губы, представил рожу Дылды и замолотил чаще. Вскоре выдохся. На лбу проступил пот, руки стали ватными.

– Хватит, – нажал кнопку тренер и подошел ближе. – Слабовато. Вас в детдоме что, плохо кормят?

– Нормально, – тяжело дыша, соврал Макс.

– А физкультура есть?

– Есть. Только с начала года уроки не проводятся. Прежний физрук уволился, а нового нету.

– Ладно, проехали. А теперь смотри внимательно.

Подойдя к снаряду, тренер показал основные виды стоек, работу рук и ног, механизм основных ударов.

– Вот так и делай, но теперь медленно, и поглядывай на Бориса. У него уже неплохо получается. – И он отошел к по-
мостам.

Занятия длились два часа с небольшими перерывами, после них мальчишки принимали горячий душ в душевой, совмещенной с раздевалкой. В раздевалке Максиму выделили шкафчик. Назад он возвращался, едва волоча ноги. Ночью спал мертвым сном. Мышцы болели до следующей тренировки, а всего тренировок в неделю было три. Спустя месяц втянулся.

В клубе занимались двадцать шесть мальчишек от семи до шестнадцати лет. У одних родители были коммерсами, у других служащими или работягами, а у одного папаша был бандит. Различий между ними Рыбаков не делал. Кроме него с ребятами занимался второй тренер, лет тридцати. Звали Леонид Юрьевич. А еще в штате имелась уборщица – тетя Маша, старушка-пенсионерка.

Уже на второе занятие Рыбаков принес Найденову почти новые боксерки по размеру, сказал просто: «На, носи». После третьей тренировки, когда Максим переоделся, сказал: «Двигай за мной».

Выйдя из клуба, они молча прошли по улице до шумного стихийного рынка на углу. Остановились у чебуречной, из которой неслись вкусные запахи.

– Салам, командир, – прихрамывая, вышел из боковой двери смуглый усач под два метра ростом в белой куртке.

– Здорово, Анзор. – Мужики крепко пожали друг другу руки.

– Это тот самый мальчик? – кивнул высокий мужик на Максима.

– Да. Тот самый.

Усач шагнул к раздаточному окну, что-то сказал напарнику и вернулся с двумя золотистыми чебуреками в бумажке.

– Держи, – протянул Максу.

Максим бережно взял чебуреки, тихо поблагодарил.

– Будешь заходить сюда каждый раз после тренировок, – сказал Рыбаков, – и получать доппаек. Ясно?

– Ясно. – Максим осторожно сглотнул голодную слюну.

– А теперь дуй домой. Поешь – и за уроки.

Отойдя от рынка сотню метров, Максим свернул в небольшой сквер, где с деревьев опадали рыжие листья, уселся на скамейку и жадно съел горячие чебуреки. Раньше он их никогда не пробовал. Затем напился воды, тонкой струйкой бьющей вверх из чаши с фонтанчиком. Утер бумажкой губы, смял в шарик и, культурно закинув в урну, направился в сторону детдома.

«Бывают на свете и добрые люди, – думал по дороге. – Надежда Осиповна, а теперь вот Александр Иванович».

Он не знал, что отношение к нему тренера объяснялось довольно просто. Рыбаков и сам воспитывался в подмосковном детском доме. Попал туда после гибели родителей в автомобильной катастрофе. Затем поступил в Рязанское де-

сантное училище, после которого три года воевал в Афгане. Вернувшись, обосновался в Балашихе, где бывшие сослуживцы помогли открыть школу бокса. Дела шли неплохо, все ладилось.

К началу зимы Максим стал демонстрировать успехи, за что тренер его скупой похвалил и поставил заниматься в паре с Витькой Королевым. Тот имел второй юношеский разряд и был призером городских соревнований среди молодежи.

В одно из февральских воскресений Рыбаков пригласил Максима после тренировки к себе в гости.

Жил Рыбаков в небольшой двухкомнатной квартире на улице Льва Толстого, на которую обменял родительскую квартиру в Клину после возвращения в Союз.

– Заходи и раздевайся. Будем пить чай. – Отперев ключом дверь, пропустил мальчишку вперед.

Пока хозяин занимался на кухне, гость осмотрелся. Он оказался в большой комнате, чистой и уютной, обставленной недорогой мебелью. Похоже, она служила хозяину гостиной. В комнате был музыкальный центр, на полу ковер, на стенах несколько фотографий в рамках.

С одной на Макса смотрел пацан, чуть моложе его, сидевший между женщиной и мужчиной. На второй был запечатлен Рыбаков в форме старшего лейтенанта с красивой девушкой. На третьей тоже он, уже капитан, в камуфляже с еще тремя военными. Все при орденах и медалях. Один был уже знакомый мальчишке усатый Анзор из чебуречной.

– Давай мой руки, боец, все готово! – донеслось из кухни.

Сполоснув в ванной руки и вытерев их полотенцем, узким коридором прошел на кухню. В углу тихо урчал холодильник «Минск», на стене ворочали кошачьими глазами ходики, под окном был накрыт стол.

– Присаживайся. – Рыбаков взял с плиты чайник и разлил по чашкам кипяток. Добавил туда заварки, бросил по три куса рафинада. Подвинул Максу тарелку бутербродов с колбасой и сыром: – Ешь.

Выпили по две чашки чаю, гость сжевал половину приготовленного угощения, икнув, сказал «спасибо».

– На здоровье, – потянулся тренер за сигаретами на подоконнике. Открыв форточку, закурил.

– Александр Иванович, – взглянул на него мальчишка. – На фотографиях в комнате это вы?

– Я, – выдул вверх струйку дыма. – С родителями, женой и сослуживцами. Родителей давно нет, жена ушла к другому, побогаче. Из ребят остались мы с Анзором.

– Были на войне?

– Да. В Афганистане, а потом в Чечне. Ладно, про это неинтересно. – Он разогнал рукой дым и спросил: – Какие у тебя на жизнь планы?

– Хочу стать военным моряком, – не задумываясь, сказал гость. – Повидать мир и дальние страны.

– Ну что же, достойный выбор, – глубоко затянулся тренер. – А как с учебой?

– Нормально. Троек нет.

– Тогда дерзай. Чем сумею – помогу. Кстати, спорт – хорошее подспорье при поступлении в военное училище. По себе знаю.

Посидели они час, а потом Рыбакову кто-то позвонил по сотовому телефону.

– Хорошо, – ответил он, – сейчас буду. – И нажал на панели кнопку. – Ну что, Максим? Мне нужно по делам. Собирайся, подвезу к детдому.

Одевшись, заперли квартиру и спустились вниз. С неба тихо кружился снег, деревья стояли в инее. Во дворе Рыбаков подошел к одному из стоящих у тротуара автомобилей – серого цвета «Ниве», пискнул брелоком ключей, предложил: «Садись».

Немного прогрел мотор, тронулись, со двора выехали на улицу. По ней цугом тянулись автомобили и троллейбусы. Рыбаков включил магнитолау, салон наполнила грустная и красивая мелодия.

– «Мост над бурными водами» Поля Мориа, – повернул к мальчишке голову: – Нравится?

– Очень.

Минут через десять подвернул к обочине, остановились у детдома.

– Ну бывай, Максим.

– До свидания, Александр Иванович, – потянув тугую ручку, открыл дверь мальчишка.

Выйдя, долго смотрел автомобилю вслед, пока тот не скрылся, а потом направился к воротам.

Зайдя в подъезд, прошел мимо пожилого охранника, уткнувшегося в газету, взбежал по ступеням на жилой этаж. Сняв шапку с курткой, определил их на вешалку, где висели такие же. Прошел в спальню мальчиков.

Она была просторная, с тремя окнами без штор и двумя плафонами вверху. По сторонам в два ряда узкие кровати, накрытые серыми одеялами, между ними тумбочки. На голых стенах два дешевых эстампа с видами старой Москвы и плакат «За детство счастливое наше спасибо, родная страна!».

В чем заключается это самое счастливое детство, воспитанники не знали. Им было безразлично.

Как всегда по воскресеньям, в детском доме было тихо и пустынно. Часть ребят повезли на экскурсию в Москву, некоторых на выходные забрали близкие, остальные смотрели в красном уголке телевизор. Шла очередная мыльная опера, такие всем нравились.

Подойдя к тумбочке у своей кровати, Макс хотел взять библиотечную книгу «Приключения капитана Блада». Ее там не оказалось.

«Не иначе забыл в парте», – мелькнула мысль. Отправился этажом выше. По коридору с рядом окон прошел в свой класс, открыл дверь и застыл на месте. На полу у батареи Дылда зажимал Юле Малышевой ладонью рот, Косой дер-

жал за руки, а Браток, навалившись сверху, дергал голой задницей.

– Вы что делаете, твари! – Максим бросился вперед и с налету врезал обернувшемуся Братку в челюсть. Пока он валился на бок, дважды саданул под дых вскочившему на ноги Дылде. Тот, охнув, скорчился. Жаль только, что Косого достать не успел. Бросив дружков, Косой опрометью выскочил в коридор.

Юля, плача и закрывая ладонями лицо, пошатываясь, ушла следом.

– Если еще тронете ее, убью, – наклонился Макс к хватавшему ртом воздух Дылде и, развернувшись к Братку, засадил носок ботинка тому между ног.

– У-у-у! – истошно завопил, катаясь по полу, Браток.

Дрожа от злости, Максим вышел в коридор, там никого. Юле исполнилось пятнадцать, она была самой красивой девочкой в детдоме и многим из ребят очень нравилась. Нравилась она и Максиму. А тут такое!

Когда спустился на жилой этаж, из комнаты девочек доносился шум, а затем оттуда выскочила дежурная воспитательница. Вскоре к детдому подкатила «скорая», из нее вышел в белом халате врач с чемоданчиком в руке и исчез в подъезде.

Потом «скорая» уехала, увозя Юлю.

На следующее утро Максима вызвали в кабинет директора. Помимо Татьяны Александровны, имевшей бледный вид,

за приставным столом сидели милиционер и молодая, строгого вида женщина. У торцевой стены на стульях поникли головами Дылда с Косым.

– Присаживайся, Найденов, – указал на свободный стул милиционер. – Я старший следователь милиции капитан Марков. А это секретарь комиссии по делам несовершеннолетних городской администрации Елена Геннадьевна Серебрянская, – представил женщину. – Сейчас допрошу тебя в качестве свидетеля по уголовному делу об изнасиловании Юлии Малышевой. Кстати, советую говорить правду. Эти герои, – кивнул на Косого с Дылдой, – уже во всем признались.

– Мы больше не будем, – занял Косой, а его приятель хотел что-то сказать, но капитан его оборвал.

– Помолчите, вас не спрашивают, – хмуро бросил капитан. – Я тебя слушаю, Найденов.

Максим рассказал все, что видел, следователь, оформив протокол, заставил расписаться. Ниже поставили свои подписи Серебрянская и директриса.

– У меня вопрос. – Максим встал со стула, когда следователь разрешил идти. – Здесь нету Братка. В смысле Фокина.

– Он ночью сбежал. – Капитан убрал протокол в папку и щелкнул кнопкой. – Но ничего, много не набегает. Все равно поймает.

Так и случилось. Через пару месяцев всех насильников осудили, направив в колонию для малолеток. Директрису убрали, на ее место пришел мужчина. Седоватый и в рого-

вых очках. Чем-то похожий на актера Машкова из бандитского сериала. Звали нового директора детского дома Павел Васильевич Муравин.

Он оказался весьма дотошным и затребовал из городского отдела комиссию. Та работала две недели, в результате установив в детдоме серьезные хищения. После проверки Татьяну Александровну тоже отдали под суд, отделаась тремя годами условно. Жизнь воспитанников немного улучшилась.

Стали прилично кормить, летом вывозить в подмосковный лагерь отдыха, закупили новую мебель для спален и обновили гардероб. А еще Муравин организовал в детдоме занятия по труду, первым результатом стало то, что старый парк привели в идеальное состояние. Появились и кружки по интересам: автомобильный, компьютерный и швейный. Воспитанники восприняли все эти новшества на ура.

Глава 2

В начале мечты

Шел 2013 год.

В чисто вымытые окна актового зала детского дома лились потоки солнца. За окнами по веткам раскидистых деревьев прыгали, чирикают, воробьи. На сцене за столом сидели директор с заместителем и гости, в первых рядах партера – воспитатели. Дальше, до последнего ряда, празднично одетые детдомовцы.

Выпускникам, их в этом году набралось семеро, выдавались аттестаты зрелости. Все шло по заведенному порядку.

Каждого выпускника вызывали на сцену, директор вручал документ. Весь зал аплодировал. Выпускник с аттестатом в руках возвращался на место. А директор выкрикивал имя следующего.

– Найденов! – дошла очередь до Максима. Он заставил себя не бежать, идти с достоинством, осторожно, стараясь, чтобы никто не заметил, проверил, не вспотели ли ладони. Дошел по проходу до сцены, поднялся по ступенькам, остановился в шаге от директора.

– Поздравляю, – вручил директор синего цвета гербованный аттестат. – Желаю удачи, – сказал тепло и крепко пожал руку.

Горя ушами, Максим вернулся на место, сел. Открыв документ, пробежал глазами оценки. Неплохие – в основном пятерки и четверки. По геометрии с химией – тройка. Можно было, конечно, дожать и эти предметы. Но в связи с тренировками не хватило времени.

Когда вручение закончилось, Муравин встал, произнес речь – пожелал выпускникам удачи в жизни. После лирической части сообщил и кое-что конкретное: все они могут быть зачислены в городские профтехучилища или подать документы для поступления в колледжи.

– А в институты?! – проорал со своего места пятиклассник Витька Апрелев, известный бузотер и двоечник.

– Можно и туда, – приподнял очки директор. – Но тебе, Апрелев, это не грозит. С такими знаниями и успехами в учебе, как у тебя, только в грузчики.

– Га-га-га! – рассмеялся зал, а заместитель директора застучал указкой по графину:

– Тихо ребята. Тихо!

После Муравина встал чиновник из гороно, сообщил, что в соответствии с имеющимся в стране законом выпускникам в городе будет предоставлено жилье. Для чего им следует обратиться в администрацию.

Это тоже вызвало бурную овацию, такое ребята слышали впервые.

– Подвезло вам, – наклонился к Максиму его приятель Сашка Мищенко, годом моложе. – Свое жилье. Круто!

– Не верю, – повертел головой. – Это какая-то лажа.

Как все детдомовцы, за свою недолгую жизнь он видел слишком много плохого. Здесь, в детском доме, их унижали и обворовывали, пока не пришел Муравин. На городских улицах, в мусорных баках рылись пенсионеры и бомжи, а в пустых окнах заброшенных фабрик и заводов отражались безнадега и отчаяние.

Иногда в школе учителя рассказывали о другой стране. Той, которую ребята никогда не видели. Там не голодали дети со стариками, не имелось нищих и олигархов. Была уверенность в завтрашнем дне.

Впрочем, теперь Максим думал о другом. Он думал о возможности вырваться из серой постылой жизни и стать военным моряком. Наконец могла сбыться заветная мечта.

За прошедшие годы он сильно изменился внешне: из худого нескладного мальчишки Найденов превратился в рослого парня с широким разворотом плеч и чуть угрюмым взглядом.

Продолжая занятия у Рыбакова и выступая на городских, а потом областных соревнованиях, он стал кандидатом в мастера спорта и еще больше укрепился в своем желании. Александр Иванович был солидарен с воспитанником и даже познакомил с одним своим приятелем, капитаном 2 ранга в отставке.

– Двигай в Питер, сынок, – посоветовал тот на встрече. – В училище подводного плавания имени Ленинского комсо-

мола. Теперь это Морской корпус Петра Великого. Сам когда-то оканчивал. И не жалею, — значительно изрек ветеран. — Мир посмотришь, многое увидишь и поймешь.

— А вы во многих местах бывали? — с интересом спросил Максим.

— Ну да, — энергично кивнул круглоголовый лысый отставной моряк. И стал загибать пальцы: — Во Вьетнаме, Анголе, Египте, Камбодже и еще ряде стран. Хочешь, расскажу занимательную историю?

— Хочу, — загорелся парень.

— Ну, тогда слушай. — Достав из кармана пеньковую трубку и пакет с табаком, обстоятельно набил трубку.

— Было это в начале семидесятых, после учений «Океан». Ты тогда еще не родился. Я в то время служил помощником командира дизельной подводной лодки класса «Фокстрот» Северного флота. Она несла боевую службу в Атлантике и по ее завершении зашла на Кубу с дружеским визитом. Отношения между нашими странами тогда были прекрасными.

Говорил он округлыми фразами, как по писаному, но глаза при этом блестели живым блеском, ему явно нравилась заинтересованность слушателя.

— Фидель Кастро организовал для офицеров корабля на берегу банкет, а после приказал своему командующему военно-морскими силами провести для нас экскурсию. Как не показать красоты дивного острова южных морей, которые описывали великие писатели?

Показали буквально все и вся. Вот только по так называемой культурной программе, то есть с сопровождающими и избирательно. А русские моряки, как известно, любят смотреть самостоятельно и вживую. Менталитет такой.

Вот и решили несколько ребят из наших, кто помоложе, понаблюдать кубинцев, а точнее кубинок, в свободной обстановке. Не роняя чести и достоинства советских офицеров.

Встал вопрос – где? В рестораны и другие увеселительные заведения ходить было категорически запрещено. Тогда решили двинуть на один из пляжей, что был неподалеку от гостиницы, где разместили гостей.

Хозяева не возражали, а для возможного общения с местными выделили нам переводчика по имени Педро. Разбитного и смешливого парня.

Утром, плотно позавтракав и облачившись в шорты поверх плавок и свободные рубашки, вся компания в его сопровождении двинулась на пляж.

Боже мой! Что это было за место! – поцокал языком ветеран. – Золотой песок, раскидистые пальмы, голубое теплое море! И... сотни, сотни молодых кубинок в таких пляжных нарядах, что мы даже несколько растерялись от такой непринужденности. Еще бы. Красота креолок, а женщины острова в основном были этой породы, широко известна в тропических широтах. Так же, как красота наших русских женщин – в северных.

Но ближе к делу. Преодолев несвойственную морякам

растерянность, мы быстренько скинули шорты и рубашки и стали услаждать себя пляжными радостями – купаться, загорать, а главное – созерцать юных кубинок.

И те, похоже, отвечали взаимностью. Принимали соблазнительные позы, громко смеялись и махали нам руками. А затем вдруг, некоторые из них, самые разбитные и веселые, стали показывать нам кукиши. Да-да, именно те кукиши, за которые в России можно нарваться на грубость, а то и получить в морду.

Парни опешили. Такое доброжелательное, многообещающее поведение, и вдруг... русский кукиш? Что за хрень!?

Оглянулись на переводчика, а тот чуть не загибается со смеху.

«В чем дело, Педро?!»

И переводчик, в прошлом выпускник Университета дружбы народов, того, который у нас в Москве, рассказал, что столь обидный для нас жест у кубинок является знаком дружеского расположения и даже призыва к активному флирту.

Вот такая была занимательная история, сынок, – потрепал парня по плечу старый морской волк. – Как? Интересно?

– Очень, – умилился выпускник, а Александр Иванович до слез смеялся.

На следующий день после этого разговора Максим отослал в Морской корпус документы. Спустя еще два дня директор вместе с выпускниками на служебной «Газели» отправился в администрацию Балашихи.

Там в одном из кабинетов каждому выдали свидетельство о праве собственности на жилье, заставив расписаться.

Но когда поехали по адресу, указанному в свидетельстве, то обнаружили, что это были комнаты в общежитии одной из фабрик на городской окраине. Каждая по пятнадцать квадратных метров, а кухня, умывальник и туалет – общие на всех на этаже.

– Какое же это благоустроенное жилье? – возмутился Муравин.

Поехали обратно. Однако чиновники городской администрации заявили, что другого жилья у города для детдомовских нет, и предложили или брать, что дают, или писать отказы. Писать отказные бумаги никто, конечно же, не стал, ребята были рады и такому. Не на улице же жить...

Вернулись снова, каждый получил у коменданта ключи от своей комнаты. Максиму досталась угловая. С выходящим в парк окном, одинокой лампочкой на потолке и выцветшими обоями.

– Главное, своя, – запер на ключ дверь, – а не общая спальня.

Он хотел сразу начать ремонт на те деньги, что выдали выпускникам в качестве подъемных, но Рыбаков отговорил.

– Съездишь в Питер, а там будет видно.

Через две недели пришел вызов из Морского корпуса. Проезд до места поступления и обратно у Макса был льготный. К имевшейся сумме Александр Иванович добавил еще

пять тысяч, сказав: «Вернешь, когда сможешь». А утром от-
вез на своей «Ниве» в столицу. Прямо на Ленинградский
вокзал. Там посадил на поезд, крепко пожал руку, скупое по-
желал «ни пуха ни пера» и растворился среди провожавших.

Соседями по плацкарту оказались преклонных лет пара,
симпатичная девушка и братковского вида рыжий парень, с
синими наколками на пальцах и золотой цепью на бычьей
шее. Года на четыре старше Макса.

– Куда едете, молодой человек, если не секрет? – поинте-
ресовался пожилой мужчина, когда поезд тронулся.

– Не секрет. В Санкт-Петербург. Поступать в Морской
корпус.

– Ясно. А мы с женой до Бологого, домой возвращаемся.
Навещали сына.

Познакомились – мужчину звали Павел Алексеевич, его
жену Татьяна Степановна.

Девушка на боковом месте читала книгу, ее сосед тупо
пялился в окно.

Через полчаса проводник стал разносить по вагону чай.
Все взяли по стакану, Максим тоже. Чай был с лимоном, та-
кой Максим пил впервые, вкусный, ему понравилось.

– Помои, – прихлебнув из своего стакана, скривился ры-
жий. – Эй, мужик, где тут у вас кабак? – обернулся к прохо-
дящему проводнику.

– В последнем вагоне, – на ходу, неся очередные заказы,
сказал тот.

– Слышь, фифа, пойдём со мной. Угощаю, – наклонился к соседке.

– Благодарю, мне не надо. – Она на секунду подняла от книги глаза.

– Ну, на нет и суда нет, – ухмыльнулся татуированный и не спеша покинул отсек.

Спустя час вернулся навеселе. Плюхнулся на свое место, сыто рыгнул и потянул из рук девушки книгу.

– Что читаешь?

– Отстаньте. Как вам не стыдно, – не отдала та.

– Молодой человек, нехорошо. Ведите себя культурно, – приподнялся Павел Алексеевич, а его жена укоризненно покачала головой.

– Ша! – презрительно оглядел. – А ты чего зыркаешь? – ощерился на Максима.

– Кончай бузить, а то будет плохо, – сдвинул брови.

– Это ты мне?

– Тебе.

– Ну, тогда давай выйдем, – процедил сквозь зубы браток.

– Молодой человек, не связывайтесь. Он же пьян, – вмешалась Татьяна Степановна.

Рыжий между тем встал и сделал приглашающий жест рукой. Максим встал и вышел в проход, следом за ним по качающемуся вагону пошел дуэлянт.

– Ну что, с-сука? – Как только они оказались в пустом тамбуре, браток замахнулся, очевидно решив для начала маз-

нуть дерзкого пацана ладонью по лицу. Не успел, сразу получив апперкот в челюсть и боковой по корпусу.

– Больше так не делай, – наклонился над упавшим Максим.

Прикрыв дверь, вышел из тамбура.

– Все нормально, – сказал он соседям, вернувшись, и сел на свое место.

Минут через пять, кривясь от боли, появился блатной. Снял с грузовой полки свою сумку и прохрипел, обращаясь к Максиму:

– Мы еще встретимся.

– Как скажешь, – равнодушно пожал Найденов плечами.

Повесив сумку на плечо, рыжий молча двинулся по проходу.

– Быстро ты с ним, – улыбнулся пожилой сосед. – Повоспитывал?

– Немного. – Он взглянул на девушку. Она внимательно смотрела на него, отложив в сторону книгу.

– Спасибо вам, – сказала она, встретившись с Максимом взглядом. – Не люблю хамов. Лика Зорина, – представилась попутчикам.

– А давайте-ка вместе перекусим, – предложил Павел Алексеевич. – Танюша, что там у нас есть? Доставай.

На столике, застеленном салфеткой, поочередно возникли жареная курица, пупырчатые огурцы, сыр и московский батон в нарезке. Лика добавила бутерброды с колбасой, пару

яблок и оранжевый апельсин.

— А у меня вот... — Максим достал из сумки пакет с беляшами, которые в дорогу дал Анзор. — Жаль, остыли.

С шутками и веселым смехом вместе пообедали, заказав еще чаю. Затем чета прилегла на нижних полках отдохнуть, а молодые уселись за столик у противоположного окна.

— Интересное у тебя имя, — сказал Максим. — Никогда такого не слышал.

— Если полностью, Анжелика, — улыбнулась девушка. — Это меня мама так назвала.

Разговорились. Лика возвращалась из Москвы, где гостила у бабушки, в Питер. Была коренной ленинградкой, училась в Санкт-Петербургском университете на юриста.

— А ты, значит, едешь поступать в Морской корпус? — взглянула на Макса карими глазами.

— Ну да. Еду. Хочу быть военным моряком.

— А я знаю, где он расположен. Это недалеко от Большого проспекта. Я там живу вместе с родителями.

Проехали половину пути, распрощавшись с приятными попутчиками, пожилая чета, прихватив вещи, вышла на станции Бологое. На их места сели новые пассажиры. Поскольку рыжий так и не вернулся, Максим пересел на боковую полку, разговор продолжился.

Лика ему все больше нравилась. Невысокая, с миловидным живым лицом и стройной фигуркой. В детдоме на девчонок он особо не заглядывался. Общался в основном с

мальчишками, да и времени не хватало.

Когда на следующее утро поезд втягивался на перрон Московского вокзала, они были друзьями. Девушка рассказала, что мечтает работать в прокуратуре, как отец, а Максим сказал, что он детдомовец.

– Ну и что? – пожала плечиками. – Папа тоже рос без родителей, они погибли в тайге. Были геологами.

Лязгнув сцепками, состав остановился. Проводники, открыв двери, опустили подножки и пригласили пассажиров к выходу.

– Ты в Питере раньше бывал? – спросила Лика, когда они спустились на людную платформу.

– Никогда, – повертел головой Макс, поправив на плече сумку. – Только в Москве, да и то не часто.

– В таком случае провожу тебя до места, – весело стрельнула глазами девушка. – Мне не трудно.

– Ну, если не трудно, проводи, – с удовольствием согласился Максим.

Они нырнули в ближайшую станцию метро, спустились по эскалатору вниз, доехали до станции «Василеостровская», – оставшуюся часть пути Лика предложила пройти по улице. Они вышли на поверхность и примерно километр прошли до набережной. Максим видел, конечно, картинки. Но картинки не передавали даже малой доли того впечатления, которое производила Нева с ее гранитными набережными. Максим вертел головой по сторонам, пытаясь разглядеть все сразу:

затейливую архитектуру старинных зданий, золотые купола высокого храма и скользящие по фарватеру прогулочные суда.

– А вот и Морской корпус, – показала Лика на длинное в три этажа оранжевого цвета здание с колоннами в центральной части, выходящее фасадом на набережную. Вверху, на башенке, реял Андреевский флаг.

– Спасибо тебе. Приятно было познакомиться, – пожал девушке руку парень.

– Погоди, вот тебе мой номера телефона. – Открыв сумочку, вынула блокнот с шариковой ручкой. Развернув, написала семь цифр, вырвала листок, протянула.

– Когда поступишь, дай знать. Покажу тебе Питер.

– Теперь точно поступлю, – аккуратно сложив, сунул Максим в карман листочек.

– В таком случае до встречи. – Она светло улыбнулась и задрбила каблучками в обратный путь.

Он долго глядел вслед, а потом решительно направился к главному входу. Там предъявил дежурному офицеру в синем кителе и фуражке с крабом вызов с паспортом.

– Андреев, проводи абитуриента в нужную казарму, – приказал тот рослому курсанту с тремя золотыми шевронами на рукаве.

– Откуда приехал? – спросил провожатый, когда они шли по пустынному плацу.

– Из Москвы.

— Ясно, — так же коротко ответил курсант.

Конкурс в учебном заведении оказался будь здоров — пять человек на место. Но экзамены Максим сдал, успешно набрав проходной балл, и был зачислен на штурманский факультет. Там готовили офицеров для надводных кораблей и подводных лодок.

Максим испытывал необычайный душевный подъем, хотя старался держать себя серьезно, без щенячьего восторга. А было от чего прийти в восторг! У корпуса была богатая и славная история, начиная с самого основания ее самим императором Петром Первым. Сначала это была Навигацкая школа, впоследствии Морской корпус, а в советское время — Высшее военно-морское училище имени Фрунзе. В новой России его объединили с Высшим военно-морским училищем подводного плавания имени Ленинского комсомола, снова переименовав в Морской корпус. Он же Санкт-Петербургский военно-морской институт... Вот где предстояло учиться Максиму!

После зачисления всех переодели в синие робы с бескозырками и тяжелыми яловыми ботинками, отправив в летний лагерь для прохождения курса молодого бойца.

Ребята в группе подобрались нормальные: часть ребят продолжали семейную традицию, их отцы были морскими офицерами, другие из самых обычных семей рабочих и служащих. В лагере было пять таких же групп, разных специальностей.

Жизнь в лагере текла по строгому распорядку. В шесть утра курсантов будили звуки горна, затем следовали построение и физзарядка. За ней трехкилометровый кросс по лесу, умывание и завтрак. После снова построение и развод на занятия. В щитовых домах, оборудованных под классы, изучали уставы, основы несения караульной службы и автомат Калашникова. На плацу меж ними отрабатывали строевую подготовку.

Максиму все это давалось легко – сказывались занятия спортом. Другим не очень. Спустя две недели двое подали рапорта на отчисление и исчезли. Остальные понемногу привыкали. Через месяц учеба завершилась боевыми стрельбами: ребята выпустили на полигоне по мишеням по три пули. Свежеиспеченные курсанты вернулись в институт.

Там на складе всем выдали парадную форму: синие форменки, черные клеши с хромовыми ботинками и муаровые ленты на бескозырки с надписью «Военно-морской корпус». Настал день принятия присяги.

В десять утра курс в белых перчатках и с надраенными автоматами выстроили перед фасадом института. Перед шеренгами стояли пять столиков, на них – алые папки с текстом присяги. Напротив начальник, флотский контр-адмирал, и профессорско-преподавательский коллектив в полном составе. Чуть в стороне стояли приехавшие на присягу родители.

Раздалась команда, и под медь оркестра парадный расчет,

чеканя шаг, пронес перед шеренгами величаво реющее Андреевское знамя. Когда расчет занял свое место, тамбурмажор взмахнул жезлом, и последний звук улетел в небо.

Адмирал, придерживая кортик, прошел к трибуне с микрофоном и произнес речь. Курсанты стояли неподвижно, слушая поздравление с поступлением в Морской корпус и принятием присяги. Группы родителей волновались больше своих сыновей, их толпа колыхалась, двигалась в радостном возбуждении. Адмирал закончил свою речь, снова последовала команда, началось самое главное. Это тоже был отработанный ритуал, без лишних движений, строгий и торжественный.

По вызову командира роты каждый курсант выходил из шеренги, с автоматом на груди маршировал к столику. Брал в руку папку с текстом, открывал и громко зачитывал клятву. Клад папку с текстом на место, расписывался в журнале. Затем поворот кругом и возвращение на место. Когда церемония завершилась, вновь грянул оркестр, курсанты прошли вдоль фасада торжественным маршем.

Затем состоялся праздничный обед, за ним концерт. Приглашенные родители пообщались со своими чадами. Максиму было немного грустно. Эх, был бы среди них Александр Иванович!..

На следующий после торжества день начались занятия. Теперь их проводили в классах учебных корпусов и на институтском плацу. Изучали высшую математику с геомет-

рией, физику, теоретическую механику, химию, черчение и иностранный язык. От обилия материала кружилась голова. То, что было в школе, не шло ни в какое сравнение с предметами, которые приходилось осваивать здесь.

Помимо учебы пришлось ходить в корпусные наряды – на службу и работы.

Особенно изводили строевые занятия на плацу: маршировали ротой, взводами и в одиночку. Ко всему этому прибавилось чувство голода. Кормили курсантов неплохо, но есть хотелось постоянно.

В конце одного из череды ставших привычными учебных дней, вечером, перед самым отбоем, Максим попросил у одноклассника Генки Резникова сотовый телефон, своего-то у него пока не было... Набрал номер, записанный на листке блокнота.

– Здравствуй, это Максим, – назвался, услышав знакомый голос.

– Макс! Рада тебя слышать! Поступил?

– Как и обещал.

– Здорово. Когда будем смотреть Питер?

– Как только пустят в увольнение.

– Звони. Буду ждать.

– И я. – Нажав кнопку, отдал трубку Генке. – Спасибо.

– Да чего там, если надо, обращайся, – сунул телефон в карман.

Первое увольнение состоялось через неделю, в воскресе-

нье. Накануне тем же способом связался с Ликой. Договорились встретиться в десять утра у ледокола «Красин», стоящего на вечном приколе у набережной имени революционного лейтенанта.

Отпарив форменку с клешами, надраив до зеркального сияния бляху на ремне и ботинки, в числе других первокурсников-счастливицев Максим впервые отправился в увольнение. День выдался погожим, над Невой парили чайки.

Многие ребята отправились в город группами. Найденов, отделившись от сокурсников, направился в сторону «Красина». Ледокол внушал уважение размером и оснасткой, теперь в нем находился Музей Мирового океана.

Пока, задрав голову, курсант рассматривал с набережной гиганта, позади раздался стук каблучков. Он быстро оглянулся. К нему легким шагом подходила Лика. В шелковой цветной блузке, юбке до колен, туфельках и с модной сумочкой на плече.

– Здравствуй, вот и я, – остановившись рядом, задорно тряхнула челкой. – Тебе очень идет морская форма, – протянула маленькую руку, которую Максим осторожно пожал.

– А тебе твоя.

Лика весело рассмеялась.

– Ты готов к экскурсии по Северной столице?

– Всегда готов! – бросил руку к бескозырке с белым чехлом.

– Для начала предлагаю поглядеть Медного всадника. Это

же визитная карточка города. Согласен? Ну что? Пошли? – Она решительно взяла кавалера под руку.

– Ага. – Макс нервно сглотнул слюну.

Вот так, под ручку, с девушками он никогда прежде не ходил. От Лики доносился легкий аромат духов, от которого сладко закружилась голова.

Как и в прошлый раз, они воспользовались метро, еще утреннему немногочисленному. Доехав до станции «Адмиралтейская», поднялись наверх. Миновав Александровский сад, вышли к набережной Невы, где на Сенатской площади стоял памятник. На гранитном пьедестале, вздыбив жеребца, император простирает длань в будущее.

– Да, круто, – оценил Макс. – Дух захватывает.

– А на этой площади было выступление декабристов, – показала рукой Лика.

– Это которые «во глубине сибирских руд»? – блеснул эрудицией Найденов.

– Любишь Пушкина?

– Люблю, – чуть улыбнулся он. – И еще Лермонтова.

Постояв у памятника, направились к величественному зданию Адмиралтейства, шпиль которого украшал парящий в небе корабль, а затем осмотрели Исаакиевский собор. Все это время Лика давала пояснения, чувствовалось – она любит свой город, получает удовольствие от прогулки, хотя бывала во всех местах много раз.

– А теперь навестим Александровский сад, – предложила

после собора.

– Давай, – качнул бескозыркой Максим, и они направились туда.

Сад встретил аллеями в золотых красках осени, увядающими клумбами и бьющим в центре фонтаном. В западной его части рос вековой дуб, посаженный еще императором Александром, на территории стояли памятники Лермонтову с Гоголем, Глинке и Пржевальскому.

Прогулявшись, вернулись к фонтану. Там Максим купил у мороженщицы с тележкой два ленинградских эскимо, вручив одно девушке. Сели на скамейку. Внезапно по саду полилась тихая музыка, и она указала на фонтан – смотри.

Высокие искрящиеся струи в унисон стали исполнять танец. Одни опадали, другие били еще выше, среди них возникла всех цветов радуга.

– Красиво, – открыл рот Макс.

Затем со стороны Петропавловской крепости донесся орудийный выстрел.

– Полдень. – Лика вытянула руку, показала на часики на руке так, чтобы Максим увидел циферблат.

Съев мороженое, продолжили свою прогулку, направившись в Эрмитаж, – всего-то ходу от сада минут десять неспешным шагом.

Постояв в очереди (Максим удивился, сколько охотников попасть в знаменитый музей), купил два билета, и они долго ходили по залам. Лика рассказывала о картинах великих

мастеров, Максим, рассматривая их, слушал очень внимательно, впитывал информацию. Особенно ему понравились работы Айвазовского и голландского мариниста Бакхейзена. Морские пейзажи завораживали.

Когда спустя три часа вышли на улицу, солнце спряталось за тучи, стал накрапывать дождь.

– Ты, наверное, проголодалась. – Макс взял Лику за руку. – Давай где-нибудь поедим.

– А ты?

– Я тоже.

– Здесь недалеко «Макдоналдс».

– Отправляемся туда.

Вышли на угол Большой Морской и Кирпичного переулка. На первом этаже дома висела узнаваемая вывеска. Поднялись по ступеням, Максим открыл дверь, пропуская Лику, оказались в полупустом уютном зале.

– Ты что будешь? – спросил он девушку, когда они подошли к длинной блестящей стойке.

– Овощной салат, чизбургер и колу.

– Тогда и я, – сделал заказ у девушки в униформе.

Лику хотела было открыть сумочку, остановил, – я угощаю.

Расплатившись, взял поднос, прошли к столику у окна. Выставил все, что заказали, сели друг против друга.

– Так нечестно, Макс. Ты меня все время угощаешь, – с упреком сказала Лику, потянув колу через соломинку.

– Да ладно, – рассмеялся. – Сегодня я богатый.

– В смысле?

– Получил стипендию.

– Много?

– Три тысячи пятьсот рублей.

– Не слабо! – округлила Лика глаза. – Больше, чем у нас.

– Вообще-то стипендия у нас две тысячи. Но я получаю еще полторы. Как кандидат в мастера спорта по боксу. – Он показал серебристый значок на форменке.

– Красивый, – оценила Лика.

С аппетитом поели, вышли на улицу, погода опять наладилась. Из-за туч выглянуло солнце, блестел чуть мокрый асфальт. Гуляли до вечера, а когда над Невой заиграли краски заката, Максим проводил Лику до дома. Девушка жила в красивом доме старинной постройки, в четыре высоких этажа, с эркерами и лепным карнизом под крышей.

– Ну что? До следующего увольнения? – подняв светлую головку, спросила девушка.

– До следующего. – Он бережно пожал тонкую руку, и она скрылась в парадном.

Макс, немного постояв, пошел тротуаром вдоль домов. По дороге увидел вывеску «Телефоны и аксессуары» над магазинчиком, расположенным в полуподвальном помещении. Спустившись на три ступеньки вниз, решительно потянул на себя дверь. Звякнул колокольчик.

На витринах неожиданно просторного помещения рядами

тянулись мобильники и всевозможные «примочки» к ним. Стал рассматривать.

– Вам помочь? – из подсобки быстро вышел парень примерно его лет, щуплый и в очках.

– Мне нужен сотовый. Недорогой и надежный, – оглядел его курсант.

Деньги на покупку у него были. Из тех, что он получил в детдоме и от Рыбакова.

– Понял, – кивнул очкарик. И взял с витрины один из телефонов.

– Рекомендую. – Он повертел аппарат со всех сторон. – «Нокиа», малайзийская сборка. Объем памяти шестнадцать мегабайт, разрешение ноль три микропикселя, высокая емкость батареи. Цена две тысячи пятьсот рублей.

– Хорошо, – согласно покивал Максим. – Оформляй.

Продавец вернул образец на место, оба прошли к стойке с кассой. Парень принес из подсобки небольшую глянцевую коробку, открыл, вставив сим-карту, проверил работу телефона. Вновь упаковал, выбил чек. Найденов, протянув деньги, взял коробку и, поблагодарив, вышел.

Вернувшись в корпус, отметил увольнительную, прошел через плац в помещение своей роты. Там было тихо и пустынно. Одни курсанты еще находились в увольнении, другие смотрели телевизор в комнате досуга или писали письма.

– Ну, как первое увольнение? – с интересом спросил Максима Генка Резников.

С самого начала они сошлись характерами и дружили. Генка был из семьи военных. Отец, капитан 1-го ранга, командовал в Кронштадте бригадой подводных лодок. Сын, окончив Нахимовское училище, поступил в Морской корпус и шел по его стопам.

– Как в сказке, – улыбнулся Максим. – Вот, купил сотовый. – Он продемонстрировал глянцевую коробку.

– Ну-ка, ну-ка... – Генка вынул из коробки трубку, повертел в руках. – Клевая модель. Теперь будешь звонить своей девушке чаще. – Он радостно рассмеялся.

– Да ладно тебе. – Макс изобразил серьезность и забрал сотовый обратно.

В девятнадцать часов дневальный выдал команду «Построиться для перехода на ужин!». Кормили винегретом, мясным пловом, на сладкое – компот. Подкрепившись, Генка в числе других отправился в курилку, пригласив с собой Максима. Максим не курил, но частенько составлял Генке компанию. Тот знал массу веселых историй и каждый раз в курилке балагурил, рассказывал очередную байку.

– Значит так, – чиркнув зажигалкой, Генка затянулся сигаретой. – Кто из увольнявшихся был сегодня у Медного всадника на Сенатской?

– Мы, – ответили два курильщика.

– И я тоже, – добавил Максим.

– Как вам царский конь?

– Конь как конь, – сказал один. – Правда, здоровый.

– Ничего больше не заметили?

– У него яйца блестят, – почесал нос второй.

– Во! – ткнул в него пальцем Генка. – А кто скажет, почему?

– Хрен его знает.

– Рассказываю, – заблестел глазами душа компании. – Не знаю, кто придумал, но у нас, в нахимовском, издавна существует традиция. Каждый раз ночью перед выпуском пробираться к памятнику и надраивать асидолом царскому коню яйца.

– Га-га-га! – закатились хохотом курсанты. – Травишь!

– Зуб даю. – Генка лихо щелкнул по одному зубу ногтем. – Я в мае в этом участвовал.

В десять вечера из увольнения вернулись последние курсанты, через час прозвучала команда «Отбой!». В кубриках погас свет, воскресенье закончилось. За окнами висела желтая луна.

Глава 3

Отпуск. Продолжение учебы

Дни летели стремительно, и все они были заполнены до отказа. Подъем в шесть утра, трехкилометровый кросс, по еще пустым улицам Васильевского острова, завтрак и занятия до обеда. Короткий отдых, снова занятия. Самоподготовка, ужин, личное время, отбой. В увольнениях Макс продолжал встречаться с Ликой, их дружба крепла, и, быть может, они стояли на пороге чего-то большего...

Среди курсантов роты у Максима появился еще друг – Юрка Песин. Ребят сблизил спорт. Песин имел первый разряд по штанге. Юрка был родом из шахтерской семьи, отец работал в Кузбассе на шахте.

Еще с советских времен в корпусе культивировалось особое отношение к спорту. Имелась своя команда, нередко побеждавшая на общешкольных соревнованиях. Найденов с Песиним были зачислены туда и вместе посещали тренировки.

В феврале, после завершения первого семестра и сдачи экзаменов, курсанты разъехались в отпуска. Резников отправился в Балтийск, Песин в Кемерово, а Максим решил навестить Балашиху. Очень хотелось увидеть Рыбакова, да и ребят из своего выпуска. Посмотреть, как живут, чем зани-

маются.

– Что тебе привезти из Москвы? – спросил он Лику в увольнении перед отъездом.

Тем днем, посмотрев в кинотеатре фильм «Брат», они гуляли по Летнему саду. На Максиме черные шапка и шинель с якорями на погонах, на девушке меховой берет и шубка. Стояла оттепель, с деревьев, подтаяв, падал с тихим шуршанием снег. В задумчивости стояли античные статуи на аллеях.

– Привези себя, – рассмеялась Лика и, чмокнув на прощание в щеку, убежала.

Москва встретила небольшим морозцем и деловитостью Ленинградского вокзала. На платформах сустились пассажиры, грузчики толкали тележки с багажом. Металлический голос из колонок объявлял прибытие и отправление поездов. На табло светилось время – четырнадцать часов.

Выйдя на Комсомольскую площадь, Найденов был остановлен военным патрулем: офицером и двумя курсантами с красными повязками на рукавах.

– Ко мне! – махнул хромовой перчаткой старший лейтенант.

Подойдя, вскинув руку к виску, представился, внимательно оглядел приезжего курсанта.

– Куда следуете?

– В краткосрочный отпуск. В Балашиху.

– Документы.

Опустив у ног сумку, расстегнул ворот шинели, протянул военный и отпускной билеты. Старший лейтенант, внимательно просмотрев, вернул.

– Можете следовать дальше.

Застегнувшись, взял сумку, снова козырнул, патруль козырнул ответно. Весело позванивая подковками, отпускник бодро направился к метро. Он думал о том, что еще совсем недавно проделал тот же путь, но совсем в другом качестве. А теперь все вроде то же, и все по-новому. Спустившись вниз по эскалатору, доехал по Кольцевой до «Курской», поднялся вверх, вышел к вокзалу. Там, взяв в кассе билет на электричку до Балашихи, занял свободное место в вагоне. Через несколько минут, шипя, закрылись двери, за окнами поплыла платформа.

Пассажиров в вагоне было немного. Одни уткнулись в журналы, другие молчали. Два мужика напротив о чем-то спорили, за стеклом в тамбуре дымила сигаретами подвыпившая компания.

На очередной остановке – Реутово в вагон зашла худенькая женщина, ведя под руку слепого в темных очках и с обожженным лицом. Одет был в кепи, потертый камуфляж и берцы. На груди орден Красной Звезды и медаль. Сняв головной убор, протянул вперед. Двинулись по проходу.

Одни пассажиры участливо вздыхали, другие отворачивались, делая вид, что не замечают, третьи сидели с каменными лицами. Максим почувствовал, что его пробрал мороз по

коже. Когда пара оказалась у скамейки, где он сидел, он вынул из кармана шинели сотню, опустил в кеги.

– Спасибо, – шевельнула бесцветными губами женщина, и они пошли дальше.

Балашиха осталась прежней. Тот же обшарпанный вокзал с бегаящими по перрону бродячими собаками, серые дома и разбитый асфальт. Пройдя к ближайшей остановке, подождал старенький автобус, идущий к центру, скрипнула, закрываясь, дверь, автобус тяжело тронулся с места.

Впрочем, кое-что изменилось. Тут и там возводились новостройки, стихийных базаров стало меньше, увеличилось число автомобилей. Доехав до нужной улицы, вышел и пошагал к знакомой девятиэтажке. На стене все так же висела вывеска с временем работы школы, спустился по истертым ступеням в подвал.

На одном из помостов с канатами прыгала пара мальчишек, молотя друг друга перчатками, на втором незнакомый парнишка занимался с тренером. Четверо сидели на скамейке, наблюдая, как лопоухий пацан лет семи обрабатывал грушу в углу. Рыбаков с секундомером в руке стоял спиной к входу, время от времени подавая на ринг команды.

– Александр Иванович, – подошел ближе Найденов.

Тот обернулся, – брови поползли вверх.

– Максим?

– Точно так! – вскинул к виску руку. – Прибыл в краткосрочный отпуск!

Удары в зале смokли. Все пyились на невиданного гостя.
– Ух ты-ы, моряк, – протянул, обняв грушу, лопухий.

Рыбаков с Найденовым, шагнув друг к другу, крепко обнялись.

– Орел, – отстранился Александр Иванович. – Меня перерос. – Он энергично похлопал бывшего воспитанника по плечам. – А почему не дал знать?

– Так получилось.

Оба рассмеялись.

– Леонид Юрьевич, – обратился Рыбаков ко второму тренеру, подошедшему пожать Максиму руку. – Продолжай занятия. Меня сегодня не будет.

Тот улыбнулся, согласно кивнул и вернулся к ребятам.

Спустя несколько минут Александр Иванович и Максим энергично шагали по улице. По дороге зашли в чебуречную. Теперь на месте киоска стояло модульное зеленое строение с вывеской «У Анзора».

– Капиталистом становится мой сержант, – улыбнулся Александр Иванович. – Заходи, – пропустил вперед курсанта.

За столиками в зале угощались десяток посетителей и сновал официант. Из колонок лилась песня «Любэ», за стойкой возвышался хозяин.

– Вах! – выпучил он глаза, увидев вошедших, и захромал навстречу.

– Джигит, совсем джигит! – громко провозгласил он и об-

лапил Макса ручищами. – В отпуск?

– Да.

– Казбек! – обернулся к официанту. – Быстро накрой столик в кабинете.

Мимо стойки прошли в коридорчик, свернули в кабинет.

Вскоре на круглом столе появились истекавшие горячим соком шашлыки на блюде, нарезанный ломтями сулугуни, зелень, а к ним бутылка пятизвездочного коньяка.

– Рекомендую, «Кизляр». Такой только в Дагестане делают, – наполнил хозяин рюмки.

– За тебя, Максим! – поднял Рыбаков свою. Три хрустальные рюмки сдвинулись, зазвенели радостно. Мужчины выпили, закусили.

Когда съели шашлыки, повторили.

– Теперь тост, – сказал Анзор, – за настоящих мужчин и дружбу!

Грех не выпить! Вдруг Максим хлопнул себя по лбу – «со всем забыл» – и раздернул змейку на стоявшей рядом сумке. Достал оттуда две десантные тельняшки, купленные в Военторге.

– Это вам. – Он поочередно вручил обоим подарок.

– Ну, брат, удружил! А то моя совсем старой стала, – ткнул пальцем Анзор в выцветшие полосы под воротником.

Рыбаков повлажнел глазами.

– А теперь расскажи, как живешь и учишься? – Бывший сержант бережно отложил тельняшку.

Максим подробно рассказал об учебе, о курсантской жизни, о новых товарищах, – оба с интересом внимали.

– Ну а бокс? Продолжаешь заниматься или бросил? – вынув из пачки сигарету, щелкнул зажигалкой Рыбаков.

– Продолжаю, Александр Иванович. Тренируюсь в сборной Морского корпуса.

– Неплохо. В соревнованиях участвовал?

– Пока нет. Но они не за горами.

Засиделись до ранних сумерек, а затем тепло простились с хозяином.

– Ты на сколько дней приехал? – вышел провожать Анзор.

– Отпуск две недели.

– Каждый день можешь кушать у меня. Не придешь – обижусь.

– Спасибо, дядя Анзор.

Пожав обоим руки, вернулся обратно: собственное дело пристрастия требует.

– Значит так, живешь у меня, – сказал тренер, когда прошли к автобусной остановке.

– У меня же своя комната, – попытался отказаться Максим.

– Возражения не принимаются.

Минут через пять подошел дребезжащий автобус, открылась гармошка двери, поднялись в салон, поехали, переваливаясь на неровностях дорожного полотна.

В квартире тренера тоже было все по-прежнему, та же чи-

стога, так же тихо урчал холодильник.

– Давай попьем чаю, – предложил тренер, когда сняли в прихожей верхнюю одежду и помыли в ванной руки. – Мне тут один приятель из деревни прислал банку меда. Настоящий липовый, со своей пасеки.

Уютно расположились в кухне. Как и раньше, водили глазами ходики, а еще висел офисный календарь. Глянцевый, посвященный ВДВ – с его эмблемой и девизом: «Никто, кроме нас!».

– Сильно сказано, – кивнул Максим на календарь, когда стали пить чай.

– На том стоим, – сказал весело Рыбаков и придвинул ему блюдец с медом, – нажимай.

– А можете рассказать какую-либо запомнившуюся историю о службе, Александр Иванович? – Максим аккуратно зачерпнул ложкой янтарного цвета прозрачный мед, стараясь не пролить ни капли. – Давно хотел попросить. У нас ребята из семей военных много историй рассказывают. Интересно... – Он вопросительно поглядел на наставника.

– Запомнившуюся, говоришь? – Александр Иванович вскинул бровь и на секунду задумался. – Ну что же, есть такая, запоминающаяся. Слушай.

Было это в Афгане. Служил я там второй год. И как-то летели с оказией на паре вертолетов Ми-8 за молодым пополнением в Кабул. Кроме меня, в грузовом отсеке нашего вертолета был незнакомый прапор, тоже из ВДВ, и молодая

красивая блондинка в джинсовом костюме.

К тому времени, о котором рассказ, у духов, как мы звали афганских моджахедов, уже появились американские «стингеры», и они могли сбивать воздушные цели. По этой причине, согласно инструкции, на всех нас были парашюты. Летим над горами, прапор спит, блондинка глядит в иллюминатор, а я украдкой на нее. Понравилась она мне.

Затем под шум моторов незаметно задремал и сам. Очнувшись от сильнейшего удара, это потрянуло нашу машину. Из пилотной кабины дым и крик «Прыгайте!».

Вместе с прапором живо отдраили дверь и вытолкнули упиравшуюся блондинку. За ней вниз головой сиганул прапорщик. Перед тем как прыгнуть, я оглянулся. Там, где располагались пилоты, бушевал огонь, – больше ничего не видно. Ну и я прыгнул.

Через миг, вращаясь вокруг оси, мимо меня стремительно пролетел падающий вертолет. Считанные секунды – и машина рухнула на землю и раскололась на куски.

Купол блондинки виднелся ниже. Сбоку висевший на стропах прапор садил короткими очередями вниз. Там виднелся кишлак, откуда тоже свистели пули.

Навстречу быстро неслась земля, сгруппировался. Удар в пятки, приземлился рядом с вертолетом.

Следом опустился труп прапора, я отстегнул стропы, бросился к нему. В кармашках «лифчика» оставалось два полных магазина, вместе с моими – пять. Забрал, рассовав по

карманам, оббежал разбитую машину. Как и ожидал, увидел с другой стороны блондинку. Она была в шоке. От экипажа остались закопченные, все в крови останки. Стал тормозить блондинку изо всех сил:

«Беги, прячься куда-нибудь! Сюда идут бородатые».

А она:

«Нас что, сбили?»

«Похоже на то», – отвечаю.

«А почему второй борт не улетает?»

«Думаю, вызывает «крокодилов», – так назывались ударные вертолеты Ми-24 – объясняю.

«Он что, не может сесть и забрать нас?» – хлопает она глазами.

Ну что ты будешь делать?!

«Нет, – отвечаю. – Если собьют и его, не заберет никто. Нас просто не найдут».

«У меня в штабе друг, он полковник».

«Это ты духам расскажешь. Короче, прячешься, а я увожу бородатых в горы. Пока буду возиться с ними, может, кто-нибудь и прилетит».

Вдруг блондинка цепляется пальчиками за мой рукав и заявляет:

«Я с вами пойду», – а у самой глаза круглые.

«Послушай, – говорю. – Ты на каблуках, далеко не уйдешь, а босиком тем более. Даже если найдут, то убивать тебя точно не будут. Ты для них живой товар. Тем более что

блондинка и молодая».

«Я буду жаловаться в политотдел армии...» – заявляет дрожащими губами.

«Хорош болтать», – говорю...

Короче, схватил ее за шиворот и затащил внутрь корпуса вертолета, в обломки, к трупам экипажа.

«Сиди тихо, – прикладываю палец к губам. – Буду жив, позже за тобой зайду».

На этом месте тренер замолчал и потянул из лежавшей на столе пачки сигарету. Щелкнув зажигалкой, прикурил, глубоко затянулся, выпустил носом густую струю дыма и продолжил свой рассказ:

– В горы я сразу не пошел. Обыскав мертвых, нашел две гранаты Ф-1 и метнулся в сторону кишлака. Как я и ожидал, духи шли толпой, не рассредоточившись, с уверенностью, что серьезного сопротивления они уже не встретят.

У меня, Максим, к этим дехканам не было ничего личного – ни злобы, ни ненависти. Кто же виноват, что у них в кишлаке нет кино, бани, библиотеки или клуба? И развлекаются они тем, что сбивают вертолеты, а с живых неверных спускают шкуру или отрезают голову?

Ребята совершили две грубые ошибки. Не убили меня, когда был в воздухе, – раз. И сейчас шли толпой с криками «Аллах акбар» – два. Не иначе как обкурились анашой, которую они сильно уважают.

Я слился с местностью. Обождав, когда подойдут метров

на двадцать, выдернул кольца из гранат и метнул в середину толпы. Один за другим гроыхнули взрывы, стал прицельно бить в орущую толпу. Расстреляв магазин, рванул в горы, благо они были рядом. Выбрав удобное место для стрельбы, приготовился к атаке. Благоразумия у духов прибавилось. Теперь карабкались вверх развернутой цепью, слышались команды.

Опустошил еще магазин, вщелкнул в приемник третий и приготовился рвануть дальше. Не потребовалось. Почувствовал вверху ветер, поднял голову и увидел «крокодила». Зависнув надо мной, выпустил серию нурсов¹. Блеснуло адское пламя, в воздухе завертелись обрывки тел и одежды.

Второй вертолет совершал боевой разворот. А из кабины первого на меня смотрел летчик, как бы спрашивая взглядом, чем еще может помочь. Потом показал рукой, чтобы следовал за ним. Приземлился он возле обломков нашего сбитого вертолета.

С горы я несея как на крыльях. Когда добежал, десантники загрузили всех погибших и ждали меня.

«А где девка?»

«Какая девка?»

«Живая!»

Бросился к остаткам сбитой машины, заглянул внутрь. Там никого не было. Обежал вокруг и увидел ее под обломками. Схватил за руку и потащил за собой, ругаясь команд-

¹ См. Примечания.

НЫМ ЯЗЫКОМ.

«Так это ты включила радиомаяк?» – спросил стрелок-радист с «крокодила».

«Да, я», – и утирает грязное лицо.

«Не ругай свою бабу, старлей. Она спасла тебе жизнь!»

«Да не моя это!» – хотел крикнуть, но осекся. Раз включила маяк, то навела и вертолеты.

«Как тебя зовут?» – спрашиваю.

«Любовь... Любовь Викторовна. Мне двадцать три, я в школе увлекалась радиodelом».

– Вот такая была история, Максим, – закончил Рыбаков свой рассказ и загасил окурок в пепельнице.

– И вы ее больше не встречали? – Максим в волнении подался вперед.

– Вскоре поженились, – Александр Иванович вздохнул и грустно улыбнулся, – она та, что ты видел на фотографии. Ну ладно, давай спать, скоро двенадцать, – взглянул на ходики на стене. – Ты с дороги, да и мне завтра вставать рано. Дела. Я постелил тебе в зале.

Ночью Максиму приснился сон. Они с Рыбаковым, оба в тельняшках, отбиваются в горах от душманов. Тренер сечет духов из пулемета, а Макс подтаскивает ему патроны.

Проснувшись утром, он обнаружил на столе кухни записку и два ключа на связке. «Еда в холодильнике. Отдыхай. Буду поздно». Взял в руки ключи – один был от его комнаты, он его оставил, когда уезжал. Второй, английский, от квар-

тиры Александра Ивановича.

Почистив зубы и умывшись по пояс холодной водой в ванной, вскипятил на кухне чай, намазал кусок хлеба маслом, позавтракал. Было непривычно готовить себе даже такой вот немудреный завтрак, привык уже к курсантским порядкам. После завтрака помыл чайную чашку, поставил на полку в то же положение, как стояли остальные чашки, оставшуюся еду убрал в тихо гудевший холодильник. Теперь все было так, как заведено хозяином этого дома. Когда он вышел из подъезда, в небе проглянуло солнце, на кустах чирикали воробьи, день обещал быть погожим.

Остановка была совсем недалеко от дома наставника. Там он дождался нужного автобуса, доехал до общежития. За ним темнел голый парк, синела льдом замерзшая Пехорка. У берега два пацана катались на коньках. Потянул на себя обшарпанную дверь, в нос ударил запах кухни и табака. Мимо вихляющей разболтанной походкой прошаркал тапками небритый мужик явно с бодуна. Где-то плакал ребенок.

Макс дробно застучал ботинками по ступенькам, добежал на второй этаж, пошел по длинному коридору с истертым множеством ног линолеумом. Вот и его угловая комната. Вставив в замок ключ, провернул, толкнул осторожно дверь и застыл на пороге. Комнату не узнать, она разительно изменилась. Потолок сиял свежей побелкой, на стенах новые обои, у одной стены деревянная кровать с подушкой, накрытая покрывалом. Напротив стол и два стула, в углу платяной

шкаф.

– Тебе чего тут надо? – раздался за спиной задиристый голос.

Обернулся стремительно, рядом стоял Женька Виноградов. Один из тех, с кем он выпускался.

– Макс! – Женька в изумлении даже открыл рот, но быстро пришел в себя, подобрал нижнюю челюсть. – Какими судьбами?!

– Вот, приехал в отпуск.

– Да. Круто смотришься. Со спины не узнать, – он коротко хохотнул.

– А что с моей берлогой-то случилось? – спросил Максим, заходя и приглашая зайти внутрь и Виноградова.

– Так в ней сделали ремонт. Еще осенью. Нарисовался твой тренер с каким-то усыатым. И все забабали.

Найденев пощупал кровать с упругим матрасом, открыл форточку чисто вымытого окна и отодвинул один из стульев, приглашая Женьку:

– Присаживайся. Ну а как вы? – сняв шапку, уселся на другой стул, напротив одноклассника.

– Да кто как, – пожал плечами Женька. – Я работаю в авто-сервисе на мойке, Люська Хуторная швеей на фабрике. Трое загнули свои комнаты и свалили, а Эдька с Витьком собирают металл на свалках, сдают и бухают.

– Невеселая картина, – оценил Максим.

– Ну а ты как?

– Учусь в Питере. Буду офицером-подводником.

– Ясно, – шмыгнул носом Женька.

– В детдом заезжаете?

– А чего туда ездить? Не лучшие воспоминания. Кстати,

Муравин загремел в больницу с сердцем.

– Навещали?

– Нет, – отвел Женька глаза.

– Ладно, пойду я.

Встав, закрыл форточку, оба вышли наружу.

– Бывай. – Максим аккуратно дважды провернул ключ в замке. – Я еще зайду.

Из общежития Максим поехал в детский дом.

– Ты к кому, сынок? – оглядев его, спросил пожилой охранник в вестибюле. Какой-то новый, Максим его не знал.

– К Розенталь.

– А кто будешь?

– Выпускник этого заведения.

– Решил навестить?

Макс молча кивнул.

– Дело хорошее. Она у себя, проходи.

Мария Осиповна сидела в своем кабинете, заполняя стопу каких-то карточек.

Подняв голову, охнула радостно:

– Найденов!

– Точно, – сняв шапку, улыбнулся Максим.

– Проходи, садись. Рада, очень рада. Ты повзрослел. Ну,

рассказывай, как живешь, как учишься?

Максим присел на белую кушетку, рассказал о своей жизни в Санкт-Петербурге и учебе в Морском корпусе. Мария Осиповна слушала, радостно блестела глазами, кивала одобряюще.

– Значит, на каникулы?

– Да. Я слышал, Павел Васильевич лежит в больнице?

– К сожалению. В Центральной, попал с инфарктом.

– Хочу его навестить.

Поговорив еще немного, распрощался, вышел из кабинета и спустился вниз.

В ближайшей «Пятерочке» купил сетку апельсинов, через десять минут вышел из автобуса рядом с больницей. Как и многие здания в Балашихе, судя по их виду, она знала лучшие времена. Внутри больница выглядела более ухоженной. Он нашел справочную службу, разузнал, в каком отделении и какой палате лежит Муравин, можно ли его навестить, не нарушая распорядка. Оказалось, что он пришел как раз в часы посещений. Верхнюю одежду он сдал в гардероб сухоной старушке, пригладил волосы у большого, в пол, зеркала и пошел на третий этаж. Повсюду в больнице он ловил на себе любопытные взгляды: все-таки в сухопутной Балашихе мужчина в морской форме был в диковинку.

На третьем этаже быстро нашел нужную палату. Директор лежал в пижаме на кровати у окна и читал книгу. На соседних койках еще двое. Один спал, второй слушал плеер, на-

цепив наушники.

– Здравствуйте, Павел Васильевич, – подошел Максим к кровати.

Тот, отложив книгу, сел и прищурился.

– Никак, Найденов?

– Он самый.

– Присаживайся, – указал на стул.

– Это вам. – Максим положил апельсины на тумбочку и уселся рядом.

– Да. Возмужал. И форма тебе к лицу, – оглядел парня директор. – В отпуск?

– На целых две недели.

– Молодец. Я, как видишь, тоже «на каникулах». Сердце пошаливает. Как жизнь? Как учеба?

– Отлично. А как вы?

– Выздоровливаю, скоро выпишут. Ну, давай рассказывай о себе.

Спустя час, душевно поговорив с Павлом Васильевичем, снова спустился вниз. Получив шапку с шинелью, оделся, сказав гардеробщице спасибо, вышел за стеклянную дверь.

– Видный парень, – поцокала языком старушка, а медсестра, глядя вслед, вздохнула.

Немного погуляв по городу, Максим почувствовал, что голоден, и стал размышлять, идти или нет к Анзору. С одной стороны, было неудобно, они с Рыбаковым и так многое для него сделали. С другой, знал – предложение Анзор сделал

от всего сердца, не лицемеря, не хотелось его обижать. Ведь они с Александром Ивановичем, получается, приняли его в свой круг.

Так что решил не сомневаться, доехал автобусом до кафе, благо проезд для него был бесплатным. Толкнув дверь, вошел в зал. За столиками обедали несколько посетителей, в углу компания из трех хмурых мужиков пила пиво, закусывая фисташками. Как и в прошлый раз, тихо лилась музыка.

– Молодец, что пришел, – вышел из двери за стойкой Анзор. Под белой курткой голубела полосками новая тельняшка. – Динара! – обернулся он к раздаточной.

Оттуда выпорхнула стройная черноглазая девушка, оставилась рядом.

– Знакомься, моя племянница.

– Максим, – протянул руку гость и почувствовал легкое пожатие прохладной легкой руки.

– Каждый день он будет обедать у нас. Ясно?

– Да, дядя, – хлопнула девушка пушистыми ресницами.

– Займись, – и направился к стойке с очередным клиентом.

– Что будете кушать? – указала Динара на столик у окна.

– На ваше усмотрение, – покраснел Макс.

Определив на вешалку рядом шинель с шапкой и помыв руки в закуске с чистейшей раковиной и небольшой сушилкой для рук, он с аппетитом уплетал наперченное харчо. На второе Динара подала сочную отбивную с жареной картош-

кой и румяный хачапури. Когда, все убрав со стола и тщательно протерев клеенку тряпочкой, Динара поставила на стол кофейник с двумя чашками и направилась к раздаче, за столик подсел хозяин.

– Как еда, дорогой?

– Спасибо, дядя Анзор. Очень вкусная.

– На здоровье, – налив из кофейника в обе чашки, прихлебнул из своей.

– Александр Иванович оставил утром записку, что вернется поздно. Не знаете, почему?

– Знаю. Командир поехал в Москву. На деловую встречу.

– В смысле?

– Как ты знаешь, мы бывшие афганцы. И у нас там своя организация. Зовется Российский Союз ветеранов Афганистана. Главный – полковник Клинецевич, сейчас депутат Госдумы. Вместе служили в Баграме в парашютно-десантном полку.

Союз помогает своим держаться на плаву. Одним находит работу, другим помогает финансами, третьих отправляет на лечение. Для этих целей у Союза имеется фонд. Из него мы с командиром получили ссуды и открыли свое дело – он школу бокса, я чебуречную. Теперь возвращаем, вот он и поехал утрясать кое-какие вопросы, финансовые, юридические.

– Ясно, – помешал Максим ложечкой кофе. – Можно еще вопрос?

– Говори.

– Это вы с Александр Ивановичем отремонтировали мою комнату?

– Мы. А что?

– Вообще-то я собирался ее продать. А теперь даже не знаю.

– Послушай меня, сынок, – положил волосатую лапу Анзор на его руку. – У каждого обязательно должен быть свой дом. Для начала у тебя есть комната. Закончишь учебу, тогда решишь. Нужна тебе эта комната или нет. Главное, что она есть у тебя.

– Наверное, вы правы, дядя Анзор, – чуть подумал Максим. – Вопрос исчерпан.

– Какие планы на остаток дня?

– Поеду в школу. Немного потренируюсь.

– Я так думаю! – выдал хозяин фразу из фильма «Мимино», подняв палец. Оба рассмеялись.

В секции, как обычно, шли занятия. На рингах, молотя друг друга, спарринговали ребята постарше, второй тренер, прохаживаясь за канатами, наблюдал. В углу два пацана лупили груши, еще один вел бой с тенью.

– Решил поглядеть? – пожал тренер руку.

– Немного, Леонид Юрьевич. И, если можно, потренироваться.

– Брэк! – остановил учеников тренер.

Тяжело дыша, пары разошлись. Все с интересом уставились на курсанта.

– Ребята! – обвел их взглядом наставник. – К нам зашел выпускник школы Максим Найденов, кандидат в мастера спорта. Выступал на первенство города и области. Сейчас курсант военно-морского училища. Кто желает поработать с ним в паре?

– Я! И я! – Поднялись две руки в перчатках.

– Наши перворазрядники, Синцов и Марченко, – представил Максиму добровольцев Леонид Юрьевич. – Давай в раздевалку. Там в моем шкафчике есть во что обуться.

Спустя несколько минут, чуть размявшись, в тельняшке, трусах и черных боксерках, Максим впрыгнул на помост, пройдя в синий угол. В красном уже приплясывал, имитируя удары, Марченко. Рослый, вровень с противником. Лет семнадцати на вид.

– Бой! – дал команду тренер.

Перворазрядник ринулся в атаку.

Гость, уклоняясь, ушел в глухую защиту, переждал серию ударов и напал сам. На третьей минуте обманным финтом заставил парня прикрыть голову и провел два удара в корпус. Согнувшись пополам, Марченко свалился на бок.

– У-у-у, – разочарованно загудели зрители.

Максим помог встать, дружески похлопал соперника по плечу. Тот спустился с ринга.

– А теперь со мной, – ступил на площадку Синцов.

Это был приземистый крепыш, по виду ровесник Максима, с низким лбом и наколкой на предплечье в виде головы

тигра.

По команде тренера, сблизившись, обменялись ударами. Синцов был явно сильнее Марченко, подвижнее и техничнее. Он уверенно отразил атаку противника и перешел в контратаку, нанося сильные и точные удары. Раунд закончился ничьей.

«М-да, – думал, бросив руки на канаты в своем углу, Максим. – Не хватало, чтобы он меня отправил в нокаут. Позора не оберешься».

Во втором раунде, усилив натиск, он дважды сбивал парня с ног, но тот поднимался и упрямо шел вперед. Ввиду явного преимущества тренер прекратил бой.

– Ты, смотрю, время даром не теряешь. Продолжаешь заниматься? – спросил, когда Найденов, утирая пот, сошел с помоста.

– Да. Состою в сборной корпуса по боксу.

– Ну-ну, – одобрительно кивнул Леонид Юрьевич и возобновил тренировку.

Максим поработал на груше, показав двум пацанам ряд ударов, а после вымылся в душе, совмещенном с раздевалкой. Оделся и, поблагодарив тренера, вышел на улицу.

Отпуск пролетел как один день. За это время Максим успел встретиться с другими выпускниками, жившими в общежитии, и еще раз навестил директора в больнице, где тот подарил ему книгу Пикуля «Из тупика». Несколько раз съездил в Москву, посетил «Лужники» – там как раз шли сорев-

нования по боксу, Третьяковку и Исторический музей.

А еще помог Женьке Виноградову. Тот рассказал, что собирается увольняться с автосервиса, нашел место получше. Но хозяин отказывается выплачивать зарплату за два месяца.

– И как объясняет? – спросил Максим у приятеля.

– Да никак. Говорит «убирайся». Может, поговоришь с ним, а, Макс? Пусть вернет деньги.

– Сколько?

– Тридцать тысяч.

– Ну что же. Поговорить можно, – согласился Найденев.

Следующим утром Максим переделся в гражданку, отравились в автосервис.

Сервис находился на другом конце города, доехали на автобусе. Располагался он в небольшом кирпичном здании – внизу пара слесарей возилась с «фордом». Поднялись в кабинет хозяина на второй этаж.

Хозяином оказался средних лет азербайджанец. Положив ноги на стол, он болтал с кем-то по телефону.

– Яхши, Рафик, – нажав кнопку, уставился он на вошедших: – Чего надо?

– Мы за расчетом, – сказал Женька. – Будь добр, отдай зарплату.

– Я ж тебе уже сказал, хайван^{*}, ее не будет. Убирайся. – Он не торопясь снял со стола ноги, встал из кресла.

– Лучше по-хорошему отдай, – сделал шаг вперед Найде-

НОВ.

– А ты кто? – Хозяин автосервиса презрительно обвел взглядом Найденова.

– Брат.

– Пошли вон оба! – вздернув подбородок, шагнул он на встречу.

В тот же миг, получив удар в челюсть, отлетел в угол.

– Ну так как? – наклонился, подойдя к нему, Максим.

– Все-все. – Предприниматель поднял дрожащие руки. – Я понял.

Не вставая с пола, достал из кармана пухлый бумажник, извлек оттуда шесть красных купюр и протянул Найденову. Тот взял, отдал приятелю, и оба покинули кабинет. Внизу работяги все так же возились с автомобилем, у еще одного искрилась сварка.

– Здорово ты с ним, – сказал Женька, когда ехали обратно. – Может, и мне заняться боксом?

– А почему нет? Время после работы у тебя есть, где секция – знаешь. В жизни пригодится.

Комнату по совету Рыбакова Максим сдал на полгода его знакомому, получив шестьдесят тысяч, а затем, распрощавшись с ним, Анзором и ребятами, убыл утренним «Сапсаном» в Питер.

В оставшийся день встретился после занятий с Ликой, подарив букет мимоз и рассказав, как провел каникулы. Лика была из тех людей, которые умеют не только интересно

рассказывать, но и слушать с неподдельным интересом. Она, улыбаясь, слушала рассказ Максима, изредка переспрашивала его, а потом сказала:

– Макс, хочу познакомить тебя с родителями.

– Может, не надо? – Он испытующе взглянул на девушку.

– Они тебе понравятся, – улыбнулась Лика.

Во втором семестре к уже имевшимся предметам добавились специальные дисциплины: устройство подводной лодки, навигация, минное и ракетно-артиллерийское оружие. Учеба стала напряженной. Тем приятней было ходить в увольнение, гулять с Ликой по городу. В следующее увольнение Лика сказала самым решительным тоном:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.